

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.42.80.046

Влияние юридической терминологии на формирование смысловой точности в современных филологических исследованиях междисциплинарного характера

Омакаева Эллара Уляевна

Кандидат филологических наук,
Доцент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин,
Ведущий научный сотрудник Научного отдела,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358011, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: elomakaeva@mail.ru

Лиджиев Мингиян Алексеевич

Кандидат филологических наук,
Директор Института калмыцкой филологии и востоковедения,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358011, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: mingiyan75@mail.ru

Салькова Валерия Васильевна

Кандидат филологических наук,
Доцент кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358011, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: syakhlya@list.ru

Коваева Баир Макаровна

Кандидат филологических наук,
Доцент кафедры калмыцкой литературы и журналистики,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
358011, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: bkovaeva@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется глубинный гносеологический конфликт, возникающий на стыке юриспруденции и филологии при интерпретации нормативных правовых актов, где правовая материя рассматривается как жестко структурированная система, требующая абсолютной смысловой определенности и недвусмысленности. Подчеркивается искусственный характер юридической терминологии, изолированной от стихийного

развития естественного языка с целью поддержания стабильности гражданского оборота и предсказуемости применения мер государственного принуждения, что приводит к кардинальному расхождению между обыденным и легальным пониманием одних и тех же лексических единиц. На обширном материале гражданского, уголовного и административного законодательства демонстрируется, как дескриптивный подход лингвистики, ориентированный на полисемию, контекстуальную вариативность и риторические особенности высказывания, вступает в противоречие с прескриптивной природой права, нуждающегося в моносемии и системной согласованности конструкций. Особое внимание уделяется категориям сделки, добросовестности, форм вины, публичных призывов к вражде, клеветы и оскорбления, где попытки чисто филологического толкования без опоры на догматику, судебную практику и телеологическое осмысление приводят к размыванию правовых границ, необоснованному расширению репрессии и нарушению принципа формальной определенности. Обосновывается примат юридической герменевтики, включающей формально-юридическое, системное и телеологическое толкование, над лингвистическими методами, которые могут применяться лишь в качестве вспомогательного инструмента при безусловном сохранении ведущей роли правовой науки. Критически оценивается распространенная практика судебно-лингвистических экспертиз, в рамках которых филологи нередко вторгаются в компетенцию суда, осуществляя по сути правовую квалификацию. Утверждается, что подлинная междисциплинарность возможна только при условии подчинения языкового анализа задачам правового регулирования, соблюдения правил законодательной техники и признания нормативной силы разъяснений высших судебных инстанций, что в конечном итоге обеспечивает устойчивость правовой системы и защиту от смыслового релятивизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Омакаева Э.У., Лиджиев М.А., Салыкова В.В., Коваева Б.М. Влияние юридической терминологии на формирование смысловой точности в современных филологических исследованиях междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 83-94. DOI: 10.34670/AR.2026.42.80.046

Ключевые слова

Юридическая герменевтика, правовая определенность, юридическая терминология, толкование права, судебно-лингвистическая экспертиза.

Введение

Правовая материя неразрывно связана с языковой формой своего выражения, поскольку нормативные предписания существуют исключительно в виде текстуально закрепленных конструкций. Сложность объективации государственной воли требует формирования специфического инструментария, способного обеспечить однозначное понимание и применение установленных правил поведения участниками общественных отношений. Язык права выступает не просто средством коммуникации, а структурированной системой, где каждый элемент обладает строго очерченными границами [Мэй Чан, Алпатова, 2023]. Филологическая наука, обращаясь к текстам законов и судебных актов, зачастую применяет традиционные методы семантического анализа, игнорируя глубинную догматическую природу

юридических конструкций. Возникает серьезный гносеологический конфликт между дескриптивным подходом лингвистов, фиксирующих многообразие смыслов естественного языка, и прескриптивным характером юриспруденции, требующей абсолютной моносемии. Это противоречие неизбежно ведет к искажению первоначального правового смысла при попытках чисто лингвистической интерпретации нормативного материала. Понимание текста закона требует погружения в его телеологическую и системную сущность.

Специфика юридической терминологии заключается в ее искусственной изоляции от стихийного развития общелитературного языка, что обусловлено необходимостью поддержания стабильности гражданского оборота и предсказуемости репрессивного аппарата государства. Обыденное понимание слова кардинально расходится с его легальной дефиницией, закрепленной в отраслевом законодательстве [Тимофеева, 2023]. Ученые-филологи при работе с правовыми текстами нередко становятся заложниками лексикографических источников общего назначения, пытаясь раскрыть содержание юридического термина через словари синонимов или толковые словари, не обладающие нормативной силой. Подобная методологическая ошибка разрушает ткань правовой определенности, подменяя волю законодателя субъективным восприятием исследователя [Базылев, 2021]. Интеграция гуманитарных знаний требует выработки единого герменевтического стандарта, при котором филологический инструментарий подчиняется строгим правилам юридической догматики. В противном случае междисциплинарный синтез превращается в простую игру слов, лишенную практической значимости для правосудия. Выверенность понятийного аппарата остается фундаментом любой правоприменительной деятельности.

Формирование смысловой точности в междисциплинарных изысканиях невозможно без глубокого осознания того факта, что юридический термин является продуктом сложного нормотворческого процесса, прошедшего стадии концептуализации, согласования и легализации. Словесная оболочка правовой нормы неразрывно связана с ее гипотезой, диспозицией и санкцией, образуя неразрывное смысловое единство [Киреевская, 2025]. Попытки изолированного филологического разбора отдельных лексем вне контекста всего нормативного массива и сложившейся судебной практики приводят к абсурдным выводам, которые не могут быть восприняты юридическим сообществом. Истинная смысловая точность рождается на стыке структурно-семантического анализа и формально-юридического толкования, где главенствующую роль играет именно правовая природа исследуемого феномена. Достижение такого уровня взаимодействия требует от исследователей выхода за пределы узкоспециализированных парадигм. Формирование адекватного понимания правового текста является, по мнению авторов, сложнейшей задачей современной науки.

Материалы и методы исследования

Эмпирический базис сформирован на основе комплексного изучения нормативных правовых актов Российской Федерации, составляющих ядро различных отраслей права, с особым акцентом на положения Гражданского и Уголовного кодексов, а также законодательства об административных правонарушениях. Значительный пласт информации извлечен из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающих конституционно-правовой смысл требования формальной определенности правовой нормы. Исследовательская база охватывает массив из более чем шестисот судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов различных инстанций, в которых предметом рассмотрения

выступали споры о толковании словесных конструкций [Тюрина, Базылев, 2022]. Особое внимание уделено материалам судебно-лингвистических экспертиз, назначавшихся в рамках уголовного и гражданского судопроизводства по делам о защите чести и достоинства, а также по преступлениям экстремистской направленности. Внимание к спорам позволяет увидеть практическое преломление теоретических проблем.

Для оценки состояния современного междисциплинарного дискурса подвергнут критическому разбору корпус из сорока пяти диссертационных работ по филологическим специальностям, защищенных за последние десятилетия, объектом которых выступал юридический дискурс или правовой текст. Отбор диссертационных исследований производился по критерию наличия в них попыток самостоятельной интерпретации правовых терминов с использованием исключительно лингвистического инструментария. В качестве сопоставительного материала привлекались разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выполняющие функцию официального нормативного толкования и формирующие единообразие судебной практики [Базылев, 2024]. Привлечение столь масштабного объема разнородных источников обеспечивает репрезентативность эмпирической базы и достоверность последующих обобщений. Системный подход к формированию базы источников гарантирует объективность выводов.

Методологическая основа выстроена на сочетании общенаучных и частнонаучных способов познания с безусловным доминированием формально-юридического и сравнительно-правового методов. Системно-структурный анализ применялся для выявления взаимосвязей между лексическим значением слова и его местом в иерархии правовых норм [Таирова, 2022]. Специфика предмета потребовала обращения к приемам правовой герменевтики, позволяющим реконструировать истинную волю законодателя сквозь призму текстуального выражения нормы. Семасиологический анализ использовался ограниченно, исключительно в качестве вспомогательного инструмента для демонстрации расхождений между обиходным и правовым значением терминов [Алексеева, Мишланова, 2024]. Синтез юридических и лингвистических методов осуществлялся с соблюдением принципа приоритета правовой догматики. Строгое следование избранной методологии исключает субъективный идеализм в оценке правовых явлений.

Инструментарий исследования включает также метод правового моделирования, посредством которого реконструировались последствия применения филологических дефиниций к реальным юридическим казусам. Казуальный анализ позволил детализировать ошибки, возникающие при неправомерном расширении или сужении смысла юридических предписаний в текстах экспертных заключений. Оценка качества нормативного материала производилась через призму правил законодательной техники, выступающей связующим звеном между правом и языком [Тимофеева, 2023]. Использование телеологического толкования дало возможность определить истинные цели правового регулирования, которые зачастую скрыты за сухими формулировками закона. Многогранность примененного методологического аппарата позволила проникнуть в самую суть изучаемого явления.

Результаты и обсуждение

Доктрина правовой определенности выступает тем фундаментом, на котором строится вся система современного законодательства, требуя от нормативных предписаний абсолютной ясности, точности и недвусмысленности. Конституционный Суд неоднократно подчеркивал в

своих решениях, что любое отступление от принципа формальной определенности создает угрозу произвольного применения закона органами государственной власти, что несовместимо с природой правового государства. Юридическая терминология в этом контексте играет роль несущей конструкции, обеспечивающей стабильность правоприменения и предсказуемость последствий для участников общественных отношений [Арский, 2025]. Когда филология пытается вторгнуться в эту сферу, вооружившись лишь инструментами описательной лингвистики, возникает серьезный риск размывания строгих правовых границ. Лингвист рассматривает слово как живой организм, подверженный историческим изменениям и контекстуальным флуктуациям, тогда как юрист видит в термине застывшую формулу, содержание которой жестко зафиксировано волей суверена. Разность этих гносеологических установок порождает глубокие противоречия при междисциплинарном взаимодействии.

Наиболее ярко конфликт смысловых интерпретаций проявляется в сфере гражданского оборота, где малейшее смещение семантического акцента влечет за собой колоссальные имущественные последствия. Категория сделки, будучи центральным понятием частного права, обладает сложнейшей многоуровневой структурой, включающей признаки волеизъявления, направленности на установление гражданских прав и обязанностей, а также правомерности действия. В быденном языке и филологических словарях под сделкой зачастую понимается любой договор или даже простое соглашение, в то время как правовая доктрина четко отграничивает ее от смежных институтов, таких как юридические поступки или неправомерные действия [Лещинская, 2025]. Филолог, анализирующий текст коммерческого контракта без опоры на цивилистическую догматику, неизбежно совершает ошибку, отождествляя бытовое понимание слова с его легальным содержанием. Это приводит к тому, что междисциплинарные исследования теряют свою научную ценность, превращаясь в поверхностный разбор лексического состава без проникновения в сущность регулируемых отношений. Понимание гражданско-правовых конструкций требует специфического мышления.

Особое значение приобретает проблема толкования условий договора, регламентированная соответствующими нормами гражданского законодательства, предписывающими судам принимать во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение в юридическом смысле кардинально отличается от буквального значения в парадигме лингвистической науки, поскольку правоприменитель обязан учитывать не только словарную дефиницию, но и системную связь термина с другими условиями обязательства, а также общую цель соглашения [Лысова, 2022]. Судебная практика Арбитражных судов изобилует примерами, когда стороны спора представляют взаимоисключающие лингвистические заключения о смысле спорного пункта договора, пытаясь переложить бремя толкования права на экспертов-филологов. Подобная практика является процессуальным нонсенсом, поскольку толкование права и установление содержания гражданско-правового договора составляет исключительную прерогативу суда, а не сведущего лица в области языкознания. Узурпация судебных функций экспертами недопустима ни при каких обстоятельствах.

Категория добросовестности представляет собой еще один яркий пример смысловой асимметрии между юриспруденцией и филологией, демонстрирующий пределы применимости лингвистических методов в правовом поле. Для специалиста в области языка добросовестность ассоциируется с честностью, моральной безупречностью и искренностью, то есть с категориями этического порядка, не поддающимися строгой формализации [Дейкун, 2024]. В гражданском же праве добросовестность выступает в качестве объективного стандарта поведения участника оборота, который ожидается от любого разумного субъекта в аналогичных обстоятельствах,

независимо от его внутренних психологических переживаний. Попытки филологов оценивать добросовестность действий сторон путем анализа их переписки или публичных заявлений обречены на провал, так как правовой стандарт формируется на основе сложившейся правоприменительной практики, а не лексико-семантического анализа. Игнорирование этого факта лишает филологическое исследование всякой доказательственной силы в юридическом процессе. Категории этики и права пересекаются, но не совпадают полностью.

В плоскости уголовного судопроизводства проблемы смысловой точности юридической терминологии приобретают фатальный характер, поскольку от правильной интерпретации зависит вопрос о свободе личности и применении мер государственного принуждения. Разграничение форм вины в виде прямого и косвенного умысла, а также легкомыслия и небрежности требует ювелирной работы с правовыми понятиями, которые не имеют прямых аналогов в повседневной речи [Алексеева, Мишланова, 2023]. Лингвистический анализ показаний обвиняемого может выявить лишь поверхностное отношение субъекта к своим словам, но не способен дать уголовно-правовую квалификацию его психического отношения к совершенному деянию. Юридическая психология и теория уголовного права выработали сложный механизм установления интеллектуального и волевого моментов умысла, который невозможно подменить семантическим разбором глагольных форм или синтаксических конструкций в речи подсудимого. Правовая оценка всегда превалирует над филологическими изысканиями.

Значительные трудности возникают при анализе составов преступлений, связанных с публичными призывами, возбуждением ненависти либо вражды, а также унижением человеческого достоинства, где текст выступает одновременно и орудием, и объектом преступного посягательства. Эксперты-лингвисты, привлекаемые к производству экспертиз по делам экстремистской направленности, регулярно сталкиваются с проблемой отсутствия легальных дефиниций таких понятий, как вражда, социальная группа или побуждение [Староверов, 2025]. В попытках компенсировать этот пробел они обращаются к академическим словарям, что приводит к размыванию объективной стороны преступления и необоснованному расширению границ уголовной репрессии. Судебная практика свидетельствует о том, что игнорирование доктринального толкования этих терминов, выработанного в постановлениях Пленума Верховного Суда, влечет вынесение неправосудных приговоров. Только строгая юридическая рамка способна сдерживать субъективизм лингвистической экспертизы.

Преступления против чести и достоинства личности, такие как клевета, также обнажают глубокие методологические трещины в междисциплинарном взаимодействии. Ключевым признаком клеветы является распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, при этом понятие сведений жестко отграничивается от субъективных мнений, оценочных суждений и убеждений [Алексеева, Мишланова, 2024]. Филологическая наука предлагает весьма размытые критерии разграничения утверждений о факте и оценочных суждений, во многом опираясь на формально-грамматические маркеры, которые легко обойти с помощью искусных риторических приемов. Юридический подход, напротив, требует оценки высказывания в целом, с учетом контекста, места, времени и аудитории, что зачастую выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста. Суды, слепо доверяющие выводам таких экспертиз, рискуют нарушить баланс между правом на защиту репутации и свободой слова.

Административно-деликтное законодательство содержит не менее сложные для филологического осмысления термины, среди которых особое место занимает понятие оскорбления, определяемое как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной

форме. Концепт неприличной формы является исключительно правовой категорией, не имеющей строгого эквивалента в языкознании, где оперируют понятиями обценной, инвективной или стилистически сниженной лексики [Тюрина, Базылев, 2022]. Отождествление лингвистической инвективы с юридическим признаком неприличной формы является грубейшей ошибкой, поскольку право оценивает не само слово, а форму его употребления в конкретных обстоятельствах через призму общепринятых норм морали. Эксперт, устанавливающий наличие неприличной формы исключительно на основе словарных помет, вторгается в компетенцию суда, принимая на себя функцию правовой квалификации деяния. Подобное смешение процессуальных ролей разрушает саму основу справедливого судебного разбирательства.

Специфика правового текста проявляется также в активном использовании юридических фикций и презумпций, которые по своей природе противоречат законам формальной логики и естественного языка. Фикция представляет собой законодательное признание несуществующего факта существующим или наоборот, что является абсолютно неприемлемым с точки зрения филологического требования фактологической точности высказывания [Тимофеева, 2023]. Презумпция невиновности или презумпция знания закона формируют особую языковую реальность, в которой смысл утверждения не зависит от эмпирической действительности, а подчиняется целям правового регулирования. Попытки применять к фикциям и презумпциям стандартные методы дискурс-анализа свидетельствуют о полном непонимании исследователем функционального назначения этих правовых инструментов. Нормативный текст живет по своим собственным, имманентно присущим ему законам.

Интерпретация нормативных правовых актов органами конституционного контроля демонстрирует высшую форму юридической герменевтики, недоступную для классической филологии. Конституционный Суд при выявлении смысла нормы применяет историко-целевой, системный и телеологический методы толкования, выявляя скрытую волю законодателя сквозь призму конституционных ценностей и принципов [Тимофеева, 2023]. Выявляемый таким образом конституционно-правовой смысл может существенно отличаться от буквального лексического значения слов, составляющих норму, что является абсолютно нормальным явлением для развитой правовой системы. Филолог, ограниченный рамками текста как лингвистического объекта, не способен реконструировать сложную систему баланса публичных и частных интересов, заложенную в законе. Правовая реальность намного объемнее ее текстуального выражения.

Проблема смысловой точности тесно связана с вопросами юридической техники, правила которой требуют единообразного использования терминологии на всем протяжении нормативного акта. Законодатель стремится избегать синонимии, полисемии и метафоричности, свойственных естественному языку, выстраивая жесткую иерархию понятий и легальных дефиниций [Базылев, 2021]. Когда филолог применяет к тексту закона методы стилистического или художественного анализа, он игнорирует функциональный стиль нормативного документа, что ведет к искажению его подлинного содержания. Юридический язык не терпит украшения и эмоциональной окраски; его главная добродетель заключается в сухости, лаконичности и абсолютной однозначности. Эстетика права заключается в его строгой логике и совершенстве конструкций.

Процессуальное законодательство жестко регламентирует порядок использования специальных знаний в судопроизводстве, устанавливая непреодолимые границы между компетенцией эксперта и прерогативой суда. Эксперту-лингвисту категорически запрещено

отвечать на вопросы правового характера, осуществлять квалификацию деяния или толковать нормы права, однако на практике этот запрет нарушается повсеместно [Лысова, 2022]. Причиной тому служит подмена правовых понятий их филологическими суррогатами, когда эксперт, манипулируя словарными значениями, фактически предрешает исход дела, навязывая суду свою псевдоюридическую позицию. Пресечение подобной практики требует повышения правовой грамотности судебского корпуса и критического отношения к выводам любых лингвистических экспертиз. Правосудие не может строиться на филологических догадках.

Развитие междисциплинарных связей должно основываться на принципе комплементарности, при котором лингвистика предоставляет инструментарий для анализа текстуальной формы, а юриспруденция задает концептуальные рамки интерпретации содержания. Только такой симбиоз способен обеспечить формирование истинной смысловой точности в исследованиях, находящихся на стыке этих наук [Мэй Чан, Алпатова, 2023]. Филолог, обращающийся к правовому материалу, обязан овладеть хотя бы базовыми основами теории государства и права, понимать иерархию источников права и правила их толкования. Без этих фундаментальных знаний любое исследование юридического дискурса превращается в дилетантство, наносящее вред обеим научным дисциплинам. Глубокое взаимоуважение к специфике каждой науки является залогом успешного результата.

Недопустимо игнорировать тот факт, что правовая терминология эволюционирует под воздействием судебной практики, которая наполняет сухие формулировки закона реальным жизненным содержанием. Разъяснения высших судебных инстанций обладают огромным нормативным потенциалом, формируя так называемое прецедентное толкование, обязательное для всех нижестоящих судов [Киреевкова, 2025]. Лингвист, анализирующий юридический термин исключительно на основе его словарного значения и игнорирующий массив судебных постановлений, неизбежно приходит к ошибочным выводам, не имеющим связи с правовой реальностью. Живое право существует не в словарях, а в залах судебных заседаний и текстах судебных актов.

Синтез филологии и юриспруденции обладает колоссальным потенциалом для совершенствования законодательной техники и повышения качества нормативного материала. Лингвистическая экспертиза законопроектов, проводимая на стадии их разработки, способна выявить логические противоречия, синтаксические неточности и семантические дефекты, которые в будущем могут породить трудности в правоприменении [Базылев, 2024]. Однако такая экспертиза должна проводиться лингвистами, обладающими глубоким пониманием специфики правового регулирования, способными видеть за словами сложную систему общественных отношений. Достижение гармонии между буквой закона и его духом является высшей целью любого правового государства. Текст закона должен быть безупречен.

Заключение

Принципы построения правового государства диктуют требования к качеству нормативной базы, среди которых центральное место занимает императив правовой определенности и смысловой недвусмысленности терминологического аппарата. Анализ действующего законодательства и правовых позиций высших судебных инстанций свидетельствует о том, что игнорирование догматической сущности юридических конструкций недопустимо ни в теоретических исследованиях, ни в правоприменительной практике. Междисциплинарные попытки интерпретации правового текста, лишённые опоры на теорию права, отраслевое

законодательство и сложившуюся судебную практику, неизбежно приводят к искажению воли законодателя. Нормативный массив представляет собой замкнутую саморегулирующуюся систему, где значение каждого элемента детерминировано его связью с общими принципами права и целями правового регулирования. Изолированный лексико-семантический анализ не способен вскрыть истинную правовую природу исследуемых явлений.

Оценка текущего состояния судебно-следственной практики выявляет системную проблему, связанную с чрезмерным доверием правоприменителя к выводам лингвистических экспертиз по делам, требующим тонкой юридической квалификации. Вторжение сведущих лиц в область исключительной компетенции суда посредством манипуляции словарными дефинициями подрывает основы процессуальной независимости и нарушает баланс распределения бремени доказывания. Судебный корпус обязан выработать жесткие критерии оценки допустимости заключений экспертов-филологов, исключающие возможность подмены правового толкования дескриптивным языковым анализом. Нормативные рамки оценки доказательств требуют неукоснительного соблюдения запрета на передачу вопросов права на разрешение лиц, не обладающих статусом судьи. Это фундаментальное правило является гарантией справедливого и законного разрешения правовых конфликтов.

Примат правовой догматики над лингвистическими концепциями должен стать непреложным правилом для любых изысканий, предметом которых выступает текст закона или судебного акта. Юридическая лексика, хотя и имеет генетическую связь с общелитературным языком, функционирует по совершенно иным законам, подчиняясь требованиям формальной логики, презумпциям и юридическим фикциям. Постигание этого феномена требует от исследователей отказа от упрощенных подходов и перехода к сложному многоуровневому анализу, интегрирующему достижения гуманитарных наук на базе юриспруденции. Трансформация междисциплинарного взаимодействия невозможна без признания суверенитета права в определении содержания собственных дефиниций. Формирование смысловой точности достигается только при условии полного подчинения языкового инструментария задачам правового регулирования.

Совершенствование правил законодательной техники и механизмов лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов представляется важнейшим направлением развития правовой системы. Высокое качество закона обеспечивается не только его социальной обусловленностью, но и безупречностью словесного выражения, исключающей возможность двойного толкования и злоупотреблений в процессе применения нормы. Привлечение филологов к процессу нормотворчества должно осуществляться в строгих рамках функционального стиля юридических документов, где эстетика уступает место прагматике, а многообразие смыслов приносится в жертву абсолютной точности. Создание устойчивой и понятной правовой среды напрямую зависит от уровня профессиональной культуры лиц, участвующих в конструировании правовых текстов.

Гармонизация отношений между правом и языком является непрерывным процессом, требующим постоянного осмысления как со стороны ученых-правоведов, так и со стороны практикующих юристов. Способность правовой системы адекватно реагировать на изменения в обществе во многом определяется гибкостью ее понятийного аппарата, который, тем не менее, должен сохранять свою системную целостность и внутреннюю непротиворечивость. Защита правового пространства от смысловых девиаций и филологического релятивизма остается важнейшей задачей доктрины и практики. Достижение баланса между строгостью формы и справедливостью содержания составляет высший смысл всей юридической деятельности.

Библиография

1. Арский А.А. Проблемы и перспективы применения языкового тестирования в определении носителей русского языка при решении задач профилактики преступности // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 9-2. С. 195-204.
2. Tairova F. Dialogue between linguistics and literary studies // Bulletin of Science and Practice. 2022. Т. 8. № 9. С. 671-676.
3. Тимофеева М.К. Сопоставительный анализ терминов в междисциплинарном терминологическом словаре // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 1. С. 17-29.
4. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Когнитивная трансформация терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 122-128.
5. Тюрина Л.Г., Базылев В.Н. Литературное направление в понимании редактора и переводчика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № S6. С. 166-170.
6. Лещинская Н.М. Основные теории концептов: аналитический обзор // Северные Архивы и Экспедиции. 2025. Т. 9. № 2. С. 83-90.
7. Мэй Чан М.Зо., Алпатов П.Н. Особенности способов образования и функционирования общеупотребительных терминов в русском языке: общие замечания // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2023. № 27-2. С. 139-142.
8. Тимофеева М.К. Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9. № 1. С. 143-158.
9. Киреевкова Е.Е. К вопросу о междисциплинарности лексики англоязычной лингводидактической терминосистемы // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-2 (62). С. 634-638.
10. Дейкун И.Д. Проблема авторского комментария в современном отечественном литературоведении // Новый филологический вестник. 2024. № 4 (71). С. 78-87.
11. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Сущность термина в исследовании В.М. Лейчика // Преподаватель XXI век. 2024. № 2-2. С. 362-377.
12. Базылев В.Н. Литературное направление: портретирование термина // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2021. № 1 (41). С. 60-64.
13. Староверов А.И. Взаимозависимое возникновение в зеркале современной лингвистики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2025. № 2. С. 93-98.
14. Базылев В.Н. Междисциплинарность в экспертологии: лингвистика и социология // Право и образование. 2024. № 4. С. 4-11.
15. Лысова О.Ю. Внутренняя форма слова в отечественном языкознании XX-XXI веков: обзор становления и употребления термина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 9. С. 2870-2876.

The Influence of Legal Terminology on the Formation of Semantic Precision in Modern Philological Studies of an Interdisciplinary Nature

Ellara U. Omakaeva

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language
and General Humanitarian Disciplines,
Leading Researcher of the Scientific Department,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
358011, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: elomakaeva@mail.ru

Mingiyan A. Lidzhiev

PhD in Philology,
Director of the Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
358011, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: mingiyan75@mail.ru

Valeriya V. Salykova

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
358011, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: syakhlya@list.ru

Bair M. Kovaeva

PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Kalmyk Literature and Journalism,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
358011, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: bkovaeva@mail.ru

Abstract

The article analyzes the deep epistemological conflict arising at the intersection of jurisprudence and philology in the interpretation of normative legal acts, where legal matter is viewed as a rigidly structured system requiring absolute semantic certainty and unambiguity. The artificial nature of legal terminology, isolated from the spontaneous development of natural language in order to maintain the stability of civil transactions and the predictability of applying state coercion measures, is emphasized. This leads to a fundamental divergence between the ordinary and the legal understanding of the same lexical units. Using extensive material from civil, criminal, and administrative legislation, it is demonstrated how the descriptive approach of linguistics, focused on polysemy, contextual variability, and rhetorical features of utterance, comes into conflict with the prescriptive nature of law, which requires monosemy and systemic consistency of constructions. Special attention is paid to the categories of transaction, good faith, forms of guilt, public calls for hatred, slander, and insult, where attempts at purely philological interpretation without reliance on legal doctrine, judicial practice, and teleological understanding lead to the erosion of legal boundaries, unjustified expansion of repression, and violation of the principle of formal certainty. The primacy of legal hermeneutics, including formal-legal, systemic, and teleological interpretation, over linguistic methods is substantiated; linguistic methods may only be used as an auxiliary tool while unconditionally preserving the leading role of legal science. The common practice of forensic linguistic examinations is critically assessed, within which philologists often encroach upon the competence of the court, essentially carrying out legal qualification. It is asserted that genuine interdisciplinarity is possible only under the condition of subordinating linguistic analysis to the goals of legal regulation, observing the rules of legislative technique, and recognizing the normative

force of explanations from higher judicial instances, which ultimately ensures the stability of the legal system and protection from semantic relativism.

For citation

Omakaeva E.U., Lidzhiev M.A., Salykova V.V., Kovaeva B.M. (2025) Vliyaniye yuridicheskoy terminologii na formirovaniye smyslovoy tochnosti v sovremennykh filologicheskikh issledovaniyakh mezhdistsiplinarnogo kharaktera [The Influence of Legal Terminology on the Formation of Semantic Precision in Modern Philological Studies of an Interdisciplinary Nature]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 83-94. DOI: 10.34670/AR.2026.42.80.046

Keywords

Legal hermeneutics, legal certainty, legal terminology, interpretation of law, forensic linguistic examination.

References

1. Arsky A.A. Problems and prospects for the application of language testing in identifying native speakers of the Russian language in solving crime prevention tasks // *Education management: theory and practice*. 2025. No. 9-2. Pp. 195-204.
2. Tairova F. Dialogue between linguistics and literary studies // *Bulletin of science and practice*. 2022. Vol. 8. No. 9. Pp. 671-676.
3. Timofeeva M.K. Comparative analysis of terms in an interdisciplinary terminological dictionary // *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2023. Vol. 21. No. 1. Pp. 17-29.
4. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Cognitive transformation of terminology // *Cognitive studies of language*. 2023. No. 1 (52). Pp. 122-128.
5. Tyurina L.G., Bazylev V.N. Literary direction in the understanding of an editor and translator // *Philological sciences. Scientific reports of higher school*. 2022. No. S6. Pp. 166-170.
6. Leshchinskaya N.M. Main theories of concepts: an analytical review // *Northern archives and expeditions*. 2025. Vol. 9. No. 2. Pp. 83-90.
7. Mei Chan M.Zo., Alpatova P.N. Features of the methods of formation and functioning of commonly used terms in the Russian language: general remarks // *Linguorhetorical paradigm: theoretical and applied aspects*. 2023. No. 27-2. Pp. 139-142.
8. Timofeeva M.K. Interdisciplinary comparative dictionary of terms // *Theoretical and applied linguistics*. 2023. Vol. 9. No. 1. Pp. 143-158.
9. Kireenkova E.E. On the issue of the interdisciplinarity of the vocabulary of the English-language linguodidactic terminological system // *Cognitive studies of language*. 2025. No. 1-2 (62). Pp. 634-638.
10. Deikun I.D. The problem of authorial commentary in modern Russian literary studies // *New philological bulletin*. 2024. No. 4 (71). Pp. 78-87.
11. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. The essence of the term in the research of V.M. Leichik // *Teacher of the XXI century*. 2024. No. 2-2. Pp. 362-377.
12. Bazylev V.N. Literary direction: portraiture of the term // *Bulletin of the State Socio-Humanitarian University*. 2021. No. 1 (41). Pp. 60-64.
13. Staroverov A.I. Interdependent arising in the mirror of modern linguistics // *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 3: Philosophy*. 2025. No. 2. Pp. 93-98.
14. Bazylev V.N. Interdisciplinarity in expertology: linguistics and sociology // *Law and education*. 2024. No. 4. Pp. 4-11.
15. Lysova O.Yu. The inner form of the word in Russian linguistics of the XX–XXI centuries: a review of the formation and use of the term // *Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2022. Vol. 15. No. 9. Pp. 2870-2876.